

И.В.Бестужев-Лада

ПОЧЕМУ Я НЕ НАПИСАЛ "ИСТОРИЮ ИНСТИТУТА СОЦИОЛОГИИ"

Бестужев-Лада Игорь Васильевич — академик-секретарь Отделения образования и культуры Российской академии образования, заведующий сектором социального прогнозирования Института социологии РАН, профессор социологического факультета МГУ.

В один из осенних дней 1971 года, в конференц-зале на пятом этаже, еще там, на Новочеремушкинской 46, торжественно отмечали 70-летний юбилей А.А.Зворыкина, к которому я относился с особым уважением до последних дней его жизни. Три обстоятельства поразили меня на этом юбилее.

Первое — восприятие юбиларом обстановки. Напомню, это было время, когда история ИКСИ близилась к концу, а история ИСИ еще не начиналась (хотя главные действующие лица последней уже сидели в зале). Только что завершился погром обществоведения, ознаменовавший конец "перестройки-3" (1966-1971), если считать первым номером НЭП (1921-1929), вторым — хрущевские реформы (1956-1964). Незадолго перед тем в адрес членов Ученого совета ИКСИ прозвучали горькие, но справедливые слова бывшего директора института, который на прощание недвусмысленно сказал все, что думает о позорных страницах его истории (были, конечно, и не позорные). И если мы обладали способностью стыдиться, всем нам должно было быть очень стыдно. Кроме того, некоторые сидели с выговорами, практически вычеркивавшими их из научной жизни — кого на год-полтора, а кого и на 10-15 лет. Впереди столь же недвусмысленно брезжили неизбежные деяния карательной экспедиции, насланной на институт. Казалось бы, чему тут радоваться? И тем не менее юбилар с искренней радостью говорил о том, как прекрасна жизнь вообще, и в эти дни особенно. Как он счастлив и прочее в том же духе.

Я подумал: конечно, каким же иным образом выступать на собственном юбилее, да еще в присутствии экзекуторов, от которых зависит твоя судьба? И все же — ведь это голос современника, и по нему, может быть, тоже будут судить об ИКСИ 1968-1971 годов, а также об СССР 1920-1960-х годов. И как же будет выглядеть история?

Второе — сам юбилар. От соседа слева я только что узнал, что именно Зворыкин был инициатором "второго рождения" советской социологии (после сталинщины). Но его, как обычно в таких случаях, быстро оттеснили на задний план более шустрые неофиты. (Кстати, в ИКСИ его вместе со многими нами унизили по части "штатных единиц", помещения, поскольку он не входил ни в одну из тех структур, которые дерутся за власть в каждом академическом институте, а ИКСИ, понятно, не составлял в данном отношении исключения.) И, тем не менее, юбилар, заведомо не будучи христианином, говорил в точности как булгаковский Иешуа Га-Ноцри перед Понтием Пилатом. Помните? "Громила Марк Крысобой — добрый человек"... Что тут было от дипломатии, а что от характера личности? Это важно для истории.

Наконец, третье. От соседа справа я только что узнал, что понятия "социолог" и "член дирекции" или "завсектором" ИКСИ могут не только не совпадать, но даже быть антонимами. Сосед перечислил ровно 16 фамилий, носители которых "сделали" у нас "социологию 50-60-х", и среди них не было ни одной, принадлежащей "членам дирекции", а также почти всем "зав.секторами" (включая меня самого, с чем я был совершенно согласен). Исключение составляли пять-шесть из более чем двадцати. У каждого из них,

по мнению соседа, была в этом смысле своя роль, но никак не подходившая под параметры "собственно социолога".

Вот это уже для историка была проблема первостепенной важности. Не мне судить, заслуживаю ли сегодня звания "собственно социолога", но то, что профессиональный историк, — подтверждается уймой дипломов и публикаций. В тот момент я сидел со "строгачом", плохо представлял, что со мною будет дальше (варианты мыслились самые экзотические), знал только, что минимум год могу заниматься чем угодно, оставаясь формально завсектором и даже членом партбюро ("строгач" был секретный, на уровне ЦК КПСС), только без публикаций, выступлений и поездок. И вот пришла мысль посвятить эти год-два написанию "Истории ИКСИ в 1968-1971 годах, с предысторией 1958-1967". Разумеется, не для печати, а "в стол", для будущих поколений — опыт такой работы уже имелся.

Полтора года "простоя" обернулись только трактатами "Предыстория истории человечества" (издан 16 лет спустя) и "Об абсурдности бессмертия" (опубликованы фрагменты). А потом события закрутили в другую сторону. "История ИКСИ" была отложена до пенсионных досугов. Тем отраднее было узнать, что этой работой заинтересовалось новое поколение. Надеюсь, на сей раз она будет доведена до конца. Желаю ее участникам удачи и хочу сказать о тех трудностях, которые встали передо мною почти четверть века назад. Может быть, им — в отличие от меня — удастся преодолеть их.

Что значит написать "Историю Института социологии"? На чем она может и должна основываться? Во-первых, на официальных документах — без них волна субъективизма захлестнет текст. По возможности — на самом широком круге документов: от тех, что создавались в "директивных органах", в АН СССР и в дирекции, до протоколов секторов. Но при этом нельзя забывать, что документы создавались не для истории, скорее, чтобы прилично выглядеть перед вышестоящими инстанциями. Так что лишь сумасшедший мог бы положиться только на них. Их надлежит сопоставлять между собой и с другими материалами, выявляя крупницы истины из нагромождений пустословия. Во-вторых, на публикациях и неопубликованных рукописях — они часто говорят гораздо красноречивее официальных документов. Но и тут опять-таки нельзя забывать, что тексты пишут не киборги, а люди, которым ничто человеческое не чуждо. В частности, у нас тексты нередко писались (и пишутся) не для того, чтобы сообщить что-то новое — наоборот, это опасно для автора, — а для того, чтобы продвинуться на следующую ступень социального статуса или закрепиться на ней. Конечно, из правила бывают исключения. Кроме того, исключения в разных пропорциях вторгаются в самое правило. Короче, и здесь из нагромождений пустословия надлежит выявлять крупницы того, что относится к собственно науке. Наконец, в-третьих, на личных — устных или письменных — высказываниях социологов и других действующих лиц интересующей нас научной трагикомедии. Понятно, ни одно из таких высказываний не обойдется без печати субъективности — исключений из этого правила нет. Но если отнестись к ним критически, то можно получить немало интересного для сопоставления с документами и сочинениями.

Как только я сообразил, что для выполнения своего замысла мне придется шагать за документацией в ЦК КПСС, в Президиум АН, в Отделение философии и права, в дирекцию ИСИ и в сектора, придется перелопачивать гору публикаций и рукописей, интервьюировать десятки человек с, мягко говоря, сложным характером, которые, конечно же, насторожатся при первом же моем вопросе и сотрут меня в порошок, если заподозрят неладное, — у меня в отчаянии опустились руки, и я дал событиям увлечь себя в менее скандальном направлении.

А ведь это еще не все трудности. Мало того, это — сущие пустяки по сравнению с вопросом: для чего писать историю социологии или даже только историю ИСИ? Не для славы же или хулы его работникам, может быть, вполне заслуживающим того и другого,

но интересным лишь для собственных тещ и племянников. История ИКСИ, ИСИ, ИС и т.д. может и должна быть интересна только с точки зрения судеб социологии в нашей стране — и ни с какой иной. И вот тут сложности посерьезнее.

К началу "второго рождения" советской социологии на заре хрущевской "перестройки" в середине 50-х годов марксистско-ленинское обществоведение было выстроено в следующих боевых порядках: центр — диамат и надстроечный над ним истмат; одно крыло — политэкономия, другое — научный коммунизм (из части истмата, специально отторгнутой от него для симметричности известной марксистской триады). И все это не имело никакого отношения к науке, если понимать под ней одну из форм общественного сознания, сводящуюся к производству новых знаний. Скорее, это относилось к двум другим формам — мировоззрению (философии) и вере (в данном случае, квазирелигии).

Перед этой железобетонной фалангой сплошных догматов была рассыпана застрельщицья цепь эмпирических исследований в исторических и филологических науках. Однако "саперам" в этой цепи разрешалось "копать" лишь то, что подтверждало незыблемость догм в фаланге. Как только они "выкапывали" нечто новое, их тут же постигала судьба Яна Гуса или протопопы Аввакума — как и положено во всех религиях и квазирелигиях. В философских и экономических науках напрочь запрещалась даже такая куцая эмпирика. Да и в прочих общественных науках она отнюдь не поощрялась.

И вот, с легкой руки В.С.Немчинова, еще в первой половине 50-х годов в этом железобетонном строю наметилась первая подвижка. Логика была проста: если на базе плохой буржуазной политэкономии ведутся конкретные экономические исследования, приносящие миллиарды долларов чистой прибыли, то почему на базе хорошей марксистско-ленинской политэкономии не могут вестись аналогичные исследования, дающие аналогичное количество рублей? Результатом — после почти двадцатилетней псевдонаучной "грызни" — стало создание ЦЭМИ, а затем триумф и трагедия экономических наук.

Далее, с легкой руки А.А.Зворыкина, в середине 50-х годов наметилась вторая подвижка. Все по той же логике: если на базе плохой буржуазной философии ведутся конкретные социологические исследования, приносящие (см.выше), то почему же на базе хорошего истмата нельзя (см.выше)? Результатом — после более чем десятилетней "грызни" — стало создание ИКСИ, а затем трагедия социологических наук (увы, без триумфа).

Наконец, уж не знаю с какой руки пишущего эти строки, в первой половине 60-х годов наметилась еще одна подвижка. Все по той же логике: если на базе плохой буржуазной футурологии ведутся конкретные прогностические исследования, приносящие (см.выше), то почему же на базе хорошего научного коммунизма нельзя (см.выше)? Результатом — после более чем пятнадцатилетней "грызни" — стало создание Научного совета АН СССР, ГКНТ, Госплана и Госстроя по проблемам научно-технического и социально-экономического прогнозирования., с его полусотней комиссий по полусотне "корифеев" в каждой и с тысячами "исполнителей" в десятках институтов, четырежды (с 1972 по 1990 годы) созидавшими "Комплексную программу научно-технического прогресса" на двадцать лет вперед. А затем — коллапс (тоже без триумфа).

Не скажу, что в 1971 году эта картина была мне так же ясна, как в 1991-ом. Но в общем и целом сомнений уже не было. Как было писать историю ИКСИ на таком фоне? Ныне — помогай Бог!

И это — только одна сторона дела. Так сказать, объективная. Возможно, основная. Но была и другая — субъективная. Кто был локомотивом перечисленных подвижек? Если разобраться, представители довольно однородной по своей идеологии группы, именуемой огулом "шестидесятниками". Это — те самые люди, чья идеология сформировалась на гребне второй "перестройки", в середине 50-х, а реализовалась по нарастающей на гребне третьей "перестройки", в 60-х (откуда и название), пока их не "прихлопнули" в начале 70-

х. Но они дожили до 80-х и составили идеологический базис шестой, горбачевской "перестройки".

Вообще-то эта группа, как и все аналогичные ей, имела сложную стратификацию — от радикальных диссидентов до легальных антисталинистов (еще не антиленинистов и тем более не антимарксистов). При этом ни Немчинов, ни Зворыкин "шестидесятниками" не были — это, скорее, "предтечи" последних. Не были ими и многочисленные "попутчики", составлявшие, так сказать, "инфраструктуру" подвижек.

"Шестидесятника" отличала от обывателя (в том числе с ученой степенью и академическим званием) вера (именно вера!) в то, что капитализм — это плохо, социализм — лучше, а его недостатки якобы можно преодолеть, придав ему "человеческое лицо". Обывателю же всегда было плевать на всякие "измы", он смотрел только на кресло повыше и зарплату побольше — хоть при Сталине, хоть при Николае II. В конечном счете "шестидесятники" не без основания сделались предметом насмешек следующего поколения, как юродивые, вздумавшие "очеловечить" чингизханов и Саддамов конструированием для них телефонов и других достижений научно-технического прогресса.

Но это, конечно, очень односторонний подход. "Шестидесятники" были не более юродивыми, чем, скажем, революционеры-демократы XIX века, породившие "бесов" народничества и уж сущих "дьяволов" большевизма. Тех и других объединял утопизм, а различали конкретные исторические обстоятельства. Нельзя забывать, что революционерам-демократам противостояла николаевщина, а "шестидесятникам" — сталинщина и ее наследие. Как теперь выпутываться из реализованной утопии казарменного социализма, господствующей в России (только в деформированном виде) и поныне? Этого не знают ни "шестидесятники", ни смеющиеся над ними "семидесятники". И пока не узнаем, не смеяться, а плакать надо. В частности, над поистине трагической судьбой и революционеров-демократов, и "шестидесятников". А коль скоро сам себя относишь к последним, как писать эпитафию на собственной могиле? Логичнее подождать, пока это гораздо объективнее сделает следующее поколение.

Наконец, последнее. Всякая история, как известно, — Лишь стройматериал для философии истории, вскрывающей суть описываемых явлений и процессов. Иначе получается просто более или менее занимательный исторический роман, написание которого лучше поручить новому Пикулю. В чем заключается философия истории социологии? На наш взгляд, в том, что социология, в силу своих особенностей, имеет огромный конструктивный потенциал, намного превышающий таковой у других общественных наук. В ее — и только в ее — силах разработка концепции оптимизации (или адаптации к современным условиям) социальной организации труда, власти, семьи, школы, армии, науки, культуры, здравоохранения, расселения, охраны окружающей среды и общественного порядка, денаркотизации (включая дезалкоголизацию) общества. Вдумайтесь только, что все это означает, и вы признаете, что продолжающееся столько лет засилье экономистов в общественной мысли страны — сущий лепет по сравнению с теми программами, которые могли бы быть предложены социологами.

Почему же не все предложены? Почему социология, в отличие от экономики, так и осталась невостребованной ни государством, ни обществом? Почему остался нереализованным ее потенциал? Сводить все это к тем или иным персоналиям — значит, на наш взгляд, вульгаризировать историю социологии. А если не сводить?

Ответ на этот вопрос и призвана дать история социологии, отвечающая всем требованиям исторических наук (в том числе история ИКСИ, ИСИ, ИС и т.д.) Для того, чтобы следующим поколениям социологов, постигнувшим уроки истории, удалось то, что не удалось ни "шестидесятникам", ни пришедшим им на смену "семидесятникам".